

По-видимому, вы давно знаете, что вы имеете в виду, когда употребляете слово "бытие". Мы же, также пользовавшиеся этим понятием, думая, что понимаем, что за ним стоит, ныне пришли в замешательство.

Мартин Хайдеггер. Бытие и время

Первые слова "Бытия и Времени" Хайдеггера являются цитатой из Платона, приведенной сначала по-гречески, а потом переведенной Хайдеггером на немецкий. Хайдеггер использует Платона как указание на то, что мы имеем в виду, когда используем слово "бытие", однако мы можем также подойти к рассмотрению слова "бытие" теми способами, которые не лежат на поверхности и не очевидны, а наоборот - являются сложными, неясными, стимулирующими мысль, новыми.

С 1950-х гг. терапевты знают о работах Мартина Хайдеггера; для некоторых из них, однако (я говорю в особенности о себе), связь между философией Хайдеггера и практической психологией стала запутанной. Наше понимание своего отношения к Хайдеггеру больше не кажется нам ясным и очевидным. В приведенной Хайдеггером цитате из Платона мы замечаем два элемента: с одной стороны, мы уже знаем, что означает "бытие"; с другой стороны - существует возможность нового способа познания "бытия", способа, который является запутанным и, может быть, менее прямолинейным. Хайдеггер признает, что, когда мы хотим знать о смысле бытия, мы не начинаем с самого начала; у нас уже есть повседневное, ясное и очевидное понимание.

Перед тем как погрузиться во все то, что вы хотите узнать о Хайдеггере, я должен исследовать то, что терапевты уже знают о Хайдеггере, а также тип отношений, которые сложились между хайдеггеровской философией и терапевтической практикой. Как только я это сделаю, мы будем в состоянии рассмотреть новые возможности понимания Хайдеггера и посмотреть, почему на земле может случаться так, что кто-то

может задать терапевту вопрос о Хайдеггере. Как терапевты узнали о Хайдеггере?

Как указывает Ханс Коэн, зачастую многие экзистенциальные терапевты не желают серьезно заниматься Хайдеггером. Знание Хайдеггера приходит, в основном, из критической литературы или вводных текстов. Эта литература рассматривает Хайдеггера как часть экзистенциальной и континентальной феноменологической традиции в философии. Однако, в терапевтической литературе о Хайдеггере его труды действительно читаются и понимаются в значительной степени близко к англосаксонской, аналитической философской традиции. Что это означает? Нам необходимо здесь дать разъяснение относительно двух разных философских традиций. В аналитической традиции философия рассматривается как инструмент, который мы применяем к миру для того, чтобы понять его. Таким образом, в аналитической философской традиции философия ума - это деятельность, направленная на проявление особой группы проблем, имеющих дело со всеми отношениями разума и тела; в философии морали философия обычно используется как инструмент, определяющий этический выбор; в философии экзистенции философия призвана ответить на круг вопросов, якобы связанных с экзистенцией.

Более того, поскольку в аналитической традиции философия понимается, таким образом, как инструмент, философия становится чем-то отдаленным и независимым от философов; философы - это люди, которые используют философию как инструмент для понимания жизни, также как плотник - это тот, кто пользуется молотком, чтобы забить гвоздь. В континентальных феноменологических традициях, однако, наши вопросы и отношения с миром уже являются философскими; философия - это не что-то дополнительное, это не какой-то инструмент, которым мы пользуемся, чтобы понять экзистенцию. Жизнь сама по себе пропитана философией. Любой философ в этой традиции - это тот, кто участвует в диалоге о жизни, которая уже наполнена философией. Терапевтический потенциал этого второго способа занятий философией уже, возможно, виден. Возвратимся к Хайдеггеру; в сущности, вся терапевтическая литература о Хайдеггере рассматривает его философию как инструмент, как нечто, что может помочь нам понять мир, человеческое бытие, пациентов, что угодно.

А что мы делаем, когда решаем применить нечто как инструмент? Как мы решаем, подходит это нам или нет? Мы оцениваем, насколько полезным это является. Этот критерий полезности и применяется для оценки Хайдеггера как терапевта: подходит ли он нам? Эмми ван Дорцен, например, пишет, что труды Хайдеггера "следует разобрать из-за их возможной пользы в клинической ситуации" [4, р. 13]. Другими словами, мы должны разобрать философию Хайдеггера, ища самородки, которые могут быть "полезными", которые мы можем извлечь и "использовать" на наших пациентах.

Когда нечто рассматривается как "полезное", оно полезно для кого-то и для чего-то. Чтобы оценить философию Хайдеггера как "полезную", надо обратить ее в инструмент, который мы можем использовать, чтобы получить определенный желаемый результат. Мы связаны не столько с философией Хайдеггера как таковой, но скорее с тем, что мы можем получить от философии Хайдеггера и как мы можем применить ее в работе. Нас начинает интересовать не философия Хайдеггера как таковая, а полезность ее в качестве инструмента для достижения желаемых целей.

Если через терапевтическую литературу мы понимаем философию Хайдеггера как инструмент и оцениваем ее в терминах полезности для нас, тогда какого рода инструментом считают терапевты философию Хайдеггера? Босс, Бинсвангер, ван Дорцен и Коэн сходятся на том, что философия Хайдеггера - это инструмент терапии, который может быть использован - как карта, план или схема.

Эмми ван Дорцен озаглавила свою главу о Хайдеггере "План жизни" [3].

Таким образом, философия Хайдеггера является планом жизни - а в действительности, согласно ван Дорцен, планом терапии. Как и почему Хайдеггер является планом, можно понять исходя из ее языка. Для нее философия Хайдеггера предполагает целый перечень императивов: она пишет "как терапевт я должна найти", "я должна заново обнаружить", "я должна заново принять" [3] - и в более экспансивной форме: "нам необходимо учиться", "мы должны прислушаться", "психотерапевты должны быть" [3]. Философия Хайдеггера представляется ван Дорцен не только как план или карта, рассказывающая нам, что мы можем найти, но также как некое предписание, говорящее нам, что нам необходимо делать, что терапевтам следует делать. Это особенно видно в недавней работе по аутентичности. Под заголовком "Предназначение терапии" перечислено не менее чем двенадцать инструкций, предназначенных для применения хайдеггеровской терапии: "мы должны начать с", "психотерапевтам необходимо", "пациенту нельзя позволять" и т.д. [5, р. 123-124]. В философии самого Хайдеггера долго бы пришлось искать нечто подобное.

Если ван Дорцен воспринимает философию Хайдеггера как набор предписаний, то ненамного лучше приходится работам Хайдеггера в руках других экзистенциальных терапевтов, рассматривающих их как инструмент для использования на своих пациентах. Медарт Босс, например, основавший целую школу терапии - Дазайн-анализ, который пытается использовать (снова это слово) так называемые экзистенциалы Хайдеггера в качестве основы для новой психодиагностической схемы. Хотя Ханс Коэн не пользуется медицинской терминологией Босса и Бинсвангера, в своем прочтении Хайдеггера он, по существу, уподобляется им. В его труде "Экзистенциальное мышление и терапевтическая практика" мы увидим перечень того, что Коэн описывает, как "онтологические аспекты экзистенции" [1, р. 12]. Предмет его внимания - эти "экзистенциалы" и наше истинное отношение к ним. Другими словами, так называемые "экзистенциалы" в философии Хайдеггера призваны, возможно, служить не столько картой, сколько путеводителем, который расскажет нам, что мы можем ожидать, если

нам как-нибудь придется обратиться к Dasein. Это кажется совсем не похожим на тип гуманистической модели личности, используемый, чтобы понять скрытый смысл высказываний пациентов: эти "экзистенциалы" и наше истинное отношение к ним" [1, р. 12].

Это происходит оттого, что, читая Хайдеггера, Коэн свободно добавляет несколько дополнительных экзистенциалов, подобно человеку, который заметил, что некоторые интересные достопримечательности не упоминаются в путеводителе. Короче говоря (по Коэну), Хайдеггер предлагает карту, с помощью которой понимают пациентов. Карта Хайдеггера полезна, потому что она вносит существенные улучшения в психоаналитические и медицинские "карты" человека. Оказывается, что тот герменевтический метод, который Коэн применяет к своим пациентам, он не применяет при прочтении текстов Хайдеггера.

Список "экзистенциалов" Коэна является хорошей иллюстрацией способа, согласно которому философия Хайдеггера используется в качестве инструмента, а также показывает другую, еще менее простительную тенденцию, которая прослеживается в способах понимания Хайдеггера в терапии. Это тенденция сведения трудов Хайдеггера к списку легко поддающихся определению экзистенциалов. Снова философия Хайдеггера подгоняется под тот или иной термин, который оценивается в соответствии с тем, насколько "полезным" он будет. Что действительно представляет интерес, так это те понятия и концепции, которые не прошли проверку на полезность, концепции, которые погребены в глубинах "Бытия и Времени", так как экзистенциальные терапевты не посчитали их "полезными". Когда вы в последний раз читали экзистенциального терапевта, пишущего об историологии либо о хайдеггеровской концепции экстатической горизонтальности, или даже слышали о менее пугающих понятиях, таких как повторение, практика, размышление, осторожность?

Мы слышим так много только о Бытии-в-мире, заброшенности, аутентичности, тревоге, всех старых, но не выходящих из моды вещах, которые заставляют нас с изумлением заинтересоваться, решился ли хотя бы один терапевт, который пишет о Хайдеггере, выйти за пределы первой части "Бытия и Времени". По-видимому, все, что терапевты хотели узнать о Хайдеггере, было сведено к перечню концепций, которые могут быть оценены как "полезные"; таким образом философия Хайдеггера превращается в список "идей", концепций без явной связи друг с другом. Эти идеи и концепции используются как карта, инструмент, с помощью которого мы понимаем пациентов, и как руководство по терапии. Фактически те, кто обучается экзистенциальной терапии, могут прийти к выводу, что больше нет необходимости читать Хайдеггера, так как мы можем получить инъекцию его философии из перечней так называемых "экзистенциалов" и параграфов - определений используемых им понятий. Что бы это значило - знать о Хайдеггере?

Вот то, что, по-моему мнению, терапевты хотели знать о Хайдеггере. Но что же значит "хотеть знать о Хайдеггере"? Давайте вернемся к цитате из Платона, которую Хайдеггер использует в начале "Бытия и Времени": По-видимому, вы давно знаете, что вы имеете в виду, когда употребляете слово "бытие". Мы же, также пользовавшиеся этим понятием, думая, что понимаем, что за ним стоит, ныне пришли в замешательство.

Когда мы хотим узнать о бытии, у нас уже есть повседневное понимание бытия, но мы позволим ему в некотором роде сойти со сцены, если мы собираемся разрешить бытию стать вопросом для нас. Также, если мы хотим узнать о Хайдеггере, это подразумевает осознание того, что, как мы думаем, мы уже знаем, и желание забыть об этом, оказаться озадаченными. Возможно, некоторые из вас представляли, когда читали название этой статьи, что отсюда вы извлечете ясное, определенное и законченное знание о Хайдеггере. Такое ожидание предполагает, что я мог бы предоставить вам свод концепций и идей, которые некоторым образом суммируют, что же такое Хайдеггер, так чтобы вы могли вооружиться этим и "использовать".

Здесь, в Британии, да и в США часто плохо понимают, что такое экзистенциальная философия. Хайдеггер, наряду с Ницше и Кьеркегором, вообще не рассматривается многими аналитическими философами как "настоящий философ". Хайдеггер прямо в начале "Бытия и Времени" показывает, что он понимает, как легко подпасть под влияние традиций, в которых мы выросли. Он пишет: "Традиция принимает то, что обрушивается на нас и освещает это самоочевидностью" [2, р. 21]. Традиция вбирает то, что оставили нам предыдущие поколения, институты, коллеги и делает это очевидным; она заставляет забывать задавать вопросы. Другими словами, она не дает нам испытывать замешательство - и не только перед пониманием бытия, но и перед чем бы то ни было. Традиция психотерапии и ее вариант прочтения Хайдеггера сделали для нас, экзистенциальных терапевтов, место и роль Хайдеггера чем-то очевидным; мы забыли спрашивать о том, что означает знать Хайдеггера. Конечно, дело не только в Хайдеггере, просто отношения между экзистенциальной философией и экзистенциальной терапией - это вопрос, который почти не рассматривался. Хайдеггер хорош также в качестве отправной точки для того, чтобы задать этот вопрос снова. Поскольку мы забыли об этом вопросе, то неудивительно, что мы ожидаем ответа на него уже через полчаса беседы. Я могу гарантировать, что этого не будет, и вы, возможно, останетесь с чувством замешательства, смущения и некоторой потери определенности.

Что может означать тогда желание знать о Хайдеггере? Если мы хотим иметь хорошие отношения с кем-то, мы не ходим вокруг да около, спрашивая мнения других людей о нем. Также и в терапии: мы не обзваниваем родственников или знакомых пациента и не просим рассказать нам о нем. Мы полностью поглощены отношениями с ним, в диалоге

или в разговоре, который происходит не только в форме слов, но и посредством целой гаммы чувств и реакций, которые мы привносим в эти отношения. Конечно, сейчас мы можем иметь такие отношения не с самим Хайдеггером, а с его текстами, философскими работами, которые он написал. Давайте обратимся к началу "Бытия и Времени". Фактически мы уже это сделали; мы коротко остановились на цитате из Платона, помните, той, которая открывает "Бытие и Время". Однако до сих пор мы обращали внимание только на слова, на то, что передает хайдеггеровский текст на вербальном уровне: По-видимому, вы давно знаете, что вы имеете в виду, когда употребляете слово "бытие". Мы же, также пользовавшиеся этим понятием, думая, что понимаем, что за ним стоит, ныне пришли в замешательство.

Цитата сначала дана по-гречески, на мертвом языке, который не является родным для читающих тексты Хайдеггера. Хайдеггер хочет, чтобы мы поняли, что эта цитата означает, и он переводит ее для нас. То, что мы ее поняли - важно. Но, конечно, затем цитата говорит, что те вещи, о которых мы, казалось бы, имели ясное представление, могут предстать в ином свете - запутанными и сложными. Мы немедленно настораживаемся. Как только мы начинаем думать, мы что-то поняли из Хайдеггера, он хочет, чтобы мы снова спросили самих себя о том, что же (как нам кажется) мы поняли. И вот сейчас мы читаем текст, который вовсе не о пассивном понимании идей Хайдеггера; чтение стало намного более активным, стало взаимоотношением, в котором Хайдеггер постоянно чего-то требует от нас. Вот одна из причин, объясняющих, почему чтение Хайдеггера так трудно. Но мы еще не закончили с цитатой из Платона. Что еще Хайдеггер делает, о чем еще он сообщает? Он показывает нам, что он хочет, чтобы мы видели его уходящим корнями в эту философскую традицию, на языке которой никто больше не разговаривает. После цитаты он продолжает:

Есть ли в наше время ответ на вопрос о том, что мы, собственно, имеем в виду под словом "бытие"? Никоим образом. И это значит, что мы должны заново поставить вопрос о смысле Бытия. Есть ли в наше время ответ на этот вопрос? (Заметим, что здесь Хайдеггер использует слово "время" в первый раз в своей работе, и он указывает на наше время, затрагивает нас.) Можем ли мы допустить, что греческая философия тоже не могла ответить на него? "Никоим образом", - отвечает Хайдеггер, и мы понимаем, что в этой короткой реплике - смирение Хайдеггера перед лицом той философской традиции, чьим наследником он представляет себя. Но не является ли это смирение само по себе целой историей? Смотрите, что говорит Хайдеггер далее: "И это значит, что мы должны заново поставить вопрос о смысле Бытия".

Хайдеггер собирается заново поднять вопрос бытия; несмотря на то, что мы все забыли о вопросе бытия и думаем, что это нам понятно и ясно, Хайдеггер собирается поставить его по-новому. Так Хайдеггер говорит нам о философии, и в особенности он говорит нам

о гордости, самонадеянности, дерзости, которые являются необходимыми составляющими философии. Он собирается впервые по-новому задать нам вопрос о бытии. Впервые мы сможем по-новому увидеть и понять этот вопрос. И не просто в первый раз - поскольку если мы однажды уже задали его, то уж не сможем разучиться или забыть об этом. Поэтому Хайдеггер собирается поставить перед нами вопрос о бытии по-новому в первый и последний раз. Бытие никогда не будет тем же самым снова. Если это не самонадеянность, то я не знаю, что это! Но это еще не все! Цитируя Платона, Хайдеггер показывает нам, что принадлежит к этой философской традиции, он сигнализирует нам, что он занимается философией. Так Хайдеггер говорит нам, чем философия может быть сегодня. Снова гордость и дерзость, которые присущи любой философской работе, на что особенно указывал Хайдеггер. Где же мы находимся, когда мы читаем это, как мы связаны с текстом Хайдеггера во всех этих отношениях? Мы понимаем, что нам тоже, если мы хотим рассмотреть вопрос о бытии вместе с Хайдеггером, придется обнаружить некоторую гордость и самонадеянность в нас самих, чтобы мы могли принимать участие в философском дискурсе на языке, который не является для нас родным.

Так из всего лишь четырех строк "Бытия и Времени" мы узнали что-то о греческой философии, что-то о нас самих и о нашем желании заключить в себе самонадеянность и гордость, узнали о смирении перед лицом традиций, заметили, что лично собираемся быть вовлеченными в философский проект Хайдеггера - не как зрители, но как участники, и заметили также, что наше желание определенности будет подвергнуто радикальному сомнению со стороны философии, которая утверждает, что если мы поняли нечто, мы будем воспринимать это как что-то сложное. Абсолютно новый способ отношений открывается перед нами.

Эй, кому нужна терапия? Почему вы должны спрашивать о Хайдеггере психотерапевта?

Кому нужна психотерапия? Или, иными словами, - почему следует спрашивать о Хайдеггере терапевта? Если мы должны спросить терапевта о Хайдеггере, что бы мы спросили? Мы бы спросили его об опыте занятий философией вместе с текстами Хайдеггера. Мы бы могли заинтересоваться тем, что заметили при прочтении первых четырех строк "Бытия и Времени", тем, как текст требует от нас поставить под вопрос наш способ связи с собой и Другими, как мы меняемся под воздействием опыта, как мы должны размышлять по-новому. Если мы спрашиваем терапевта о Хайдеггере, нам следует спросить не только о Хайдеггере, но и о самом терапевте, который, возможно, пытался познать философскую сущность терапии. Мы бы разузнали об отношениях. Философия - это, в своей основе, отношение, которое меняет человеческую жизнь. Я думаю, что здесь мы можем сказать, что как отношение, изменяющее человеческую жизнь, философия - это и есть терапия. Наше отношение к Хайдеггеру, наши занятия философией совместно с текстами Хайдеггера - это, в принципе, терапевтическое отношение, которое изменяет нас, которое дает нам увидеть мир по-новому в первый и

последний раз. Это - терапия в философии Хайдеггера, и действительно возможно, что подобное чтение текста является терапией независимо от того, какой философии это касается.

Я надеюсь, что это озадачит вас как экзистенциальных психотерапевтов и консультантов, занимающихся философией, хотя бы в некоторой степени. Когда мы используем теорию для того, чтобы позаимствовать инструмент для использования в терапии или чтобы иметь схему, к которой мы могли бы подгонять своих пациентов, мы просто используем экзистенциальную философию далеко не лучшим способом, подобно тому как психоанализ использует теорию Фрейда. Наши отклики на теорию могут быть гораздо более разнообразными. Я убежден, что мы можем читать экзистенциальную и философскую теорию как нечто имеющее прямое отношение к терапии.

Мы можем воспринимать Хайдеггера (или любую другую теорию) как двустороннее отношение, в которое мы много привносим от себя и откуда много заимствуем. Таким образом философская теория становится чем-то похожим на тренинговую экзистенциальную терапию, имеющую целью превратить нас в тип людей, способных стать философскими или экзистенциальными терапевтами.

Безусловно, это не оставляет нам ничего, что мы могли бы использовать на наших пациентах. Мы не можем дать им проходящее через вторые руки отношение к Хайдеггеру - или к любому другому. А философия, которой случилось появиться на нашем собрании, уже здесь, и мы не должны преподносить ее как нечто дополнительное, как имеют обыкновение делать некоторые философы-консультанты. У нас нет ничего, чтобы помочь понять пациентов лучше, нет шаблона или пособия, позволяющего понять их способ бытия в мире, кроме того, который уже есть и всегда витал вокруг. Но я полагаю, что мы с самого начала так или иначе дурачим сами себя.

Терапия - это философская деятельность; и философия - это терапия. Я уверен, что можно сказать намного больше об отношении между этими двумя понятиями; но я надеюсь, что наше понимание отношений между философией и терапией, которые казались ясными и очевидными, станет для нас проблемой.

ЛИТЕРАТУРА

- Cohn H. Existential Thought and Therapeutic Practice: An Introduction to Existential Psychotherapy. London: Sage Publications, 1997.
- Heidegger M. Being and Time. Oxford: Blackwell, 1962.

- van Deurzen-Smith E. Everyday Mysteries: Existential Dimensions of Psychotherapy. London; N.Y.: Routledge, 1997. P. 34-44.
- van Deurzen-Smith E. Heidegger and Psychotherapy // Journal of the Society for Existential Analysis. 1995. # 6.2.
- van Deurzen-Smith E. Heidegger is Challenge of Authenticity // Journal of the Society for Existential Analysis. 1999. # 10.2.